

САДОДЕРЖЕЦ

Рисунок К. НЕВЛЕРА

КРОКОДИЛ

№ 22(1708) • ГОД ИЗДАНИЯ 42-Й • 10 АВГУСТА 1963

Леонид ЛЕНЧ

МАМОЧКА

(Маленькая трагикомедия)

1. СЫН УЛЫБАЕТСЯ

(Когда ее ребенку 6 месяцев)

— Ради бога, не подходите к нему так близко!.. Вот тут можете встать и смотреть на него... Почему нельзя дышать? Дышать можно... Только когда вы выдыхаете, отворачивайтесь... Вы что, обиделись на меня?.. Тошенька, скажи дяде, чтобы он на нас не обижался, объясни дяде, что он может занести к нам всякую бяку с улицы, дядя культурный, дядя поймет!.. Смотрите, смотрите, Тоша вам улыбается!.. Ну что за чудо-ребенок! Почувствовал, что вы обиделись, и хочет вас «купить», маленькая моя хитрюшка!.. Вообще у Тоши удивительно ровный, спокойный, оптимистический характер... Как это в чем проявляется? Да во всем! Ну, например, другие детки, когда с ними случаются... маленькие естественные неприятности, хнычут, плачут, громко кричат, А Тошенька в этих случаях спокойно лежит и молча улыбается, как ангел! И я уж знаю: если Тоша вдруг молча заулыбался, значит, все, свершилось!.. Нет, сейчас он вам улыбается просто так, без подтекста!.. Что с тобой, моя кошечка?!. Не надо плакать, рыбка моя сладенькая!.. Ах, вот оно что!.. Ну, вы уж нас извините, с нами в первый раз... такой подтекст случился. Это вы на него, наверное, так подействовали!

2. НА ПРОГУЛКЕ С СЫНОМ

(Когда ее ребенку 3 года)

— Гражданин, что вы претесь со своей собакой прямо на ребенка!?. Тоша, не тянись к собаке, собака — дрянь, заразная, топни на нее ножкой!.. Пошла прочь, собака!.. При чем здесь любовь к живой природе, гражданин?!. Вот вы свое потомство, если только оно у вас имеется, и воспитывайте в любви к вашей блохастой природе, а меня, пожалуйста, не учите!.. Идем, Тошенька!.. Зачем ты побежал за киской, гадкий мальчишка?!. Киска — дрянь, заразная, возьми камушек и брось в нее!.. Вот так, молодец, прямо в головку ей попал!.. Не подходи к голубям, они всякую заразу клюют!.. Кишь отсюда, голуби!.. Господи, деваться некуда от этой «живой природы»!.. Дай маме ручку, и пошли домой.

3. ВИЗИТ В ШКОЛУ СЫНА

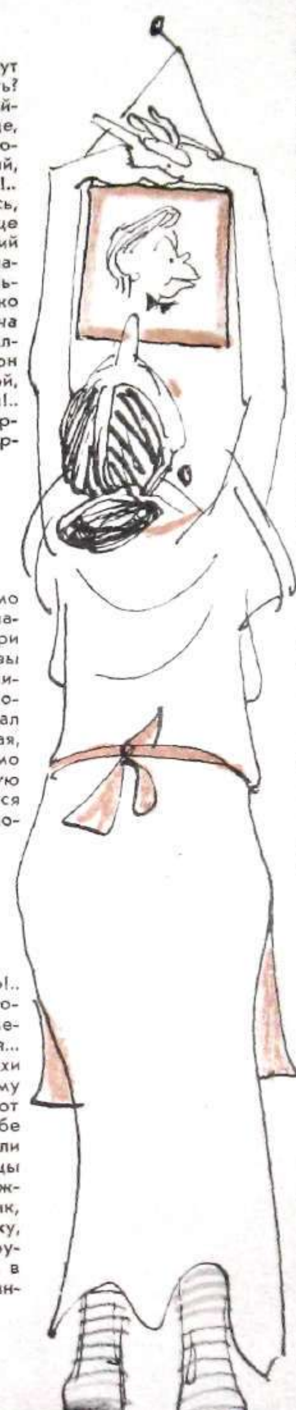
(Когда ее ребенку 9 лет)

— Простите меня, но я вас категорически не понимаю!.. Не мой сын поссорился со всем классом, а весь класс поссорился с моим сыном. И это в первую голову, простите меня, плохо вас характеризует как классного руководителя... У Тоши добрый, покладистый характер, ребенок дома мухи не обидит!.. Как это «прищемил дверью палец одному мальчику и долго держал»?! Он нечаянно прищемил, а тот мальчик нарочно придержал дверь, чтобы отдавить себе палец, а потом пожаловаться вам на Тошу, а вы не сумели разобраться. Мальчишки всегда суют свои носы и пальцы куда не надо... Да, конечно, шалость. Тоша очень подвижной, моторный, здоровый мальчик и, как каждый мальчик, немножко шалун! Ничего в этом нет дурного... Ну, я вижу, что мне придется хлопотать о переводе моего сына в другую школу!.. Но вы лично, простите меня, будете иметь в связи с этим персональные неприятности, я вам это гарантирую как мать Тоши!..

4. СЫН ЕДЕТ В КОЛХОЗ

(Когда ее ребенку 18 лет)

— Тошик, слушай меня внимательно, мы с папой все продумали, запомни хорошо, что я тебе скажу. Ехать тебе на уборку надо, иначе могут быть неприятности, еще фельетон напишут, не дай бог, в газете, а тогда и папу потянут. Поезжай! Погода хорошая, прокатись — ничего! Я тебе всего напеку на дорогу, нажарю, но дай мне честное комсомольское слово, что ты будешь закусывать, потому что водка без закуски — смертельный яд, спроси у отца, у кого хочешь!.. Приедешь на место, веди себя спокойно, выдержанно, делай все, что другие студенты делают, только не лезь во всякие там соревнования. Через два дня ты получишь от нас телеграмму: «Мама упала с лестницы выезжай папа». С этой телеграммой сейчас же ступай к вашим руководителям и говори только одно: «У меня мама упала с лестницы, я должен вернуться домой»... Как это тебе не поверят?!. Каждый человек может оступиться и упасть с лестницы! Да у меня единственного сына услали на уборку, так я что — не имею права упасть с лестницы?! Шла, думала о сыне, не смотрела под ноги... все очень естественно!.. Кричи на них, требуй, они не посмеют отказать. Как это так? У мальчика мама — мамочка! — упала с лестницы, а его не пускают... принять ее, может быть, последний вздох!.. Дай мне честное комсомольское, Тошенька, что ты все сделаешь так, как я тебе говорю! Молодец!.. Я знаю, ты умный мальчик, ты сумеешь!..

5. СЫН ЖЕНИТСЯ

(Когда ее ребенку 24 года)

...Женитьба, сынулечка,— серьезный шаг. Я не понимаю тех людей, которые осуждают брак по расчету. А как же иначе? Обязательно надо все рассчитывать в жизни, чтобы не случилось роковой ошибки. Даже писатели, классики об этом пишут. Возьми Татьяну у Пушкина. Уж на что положительный образ, но и она из расчета отказала своему Евгению Онегину, не захотела оставить ради него мужа-генерала. И понятно: он хоть и старичок и в «сраженьях изувечен», а все ж таки генерал с хорошей зарплатой. Ты пишешь, что Светлана тебя любит и что она будет очень переживать, если ты женишься не на ней, а на Зине. Тошенька, сынулечка, тебе не 18 лет, нельзя быть таким доверчивым идеалистом. Этой Светлане просто не хочется тебя терять из меркантильных соображений, потому что ты завидный муж. Вот она и давит на этот клапан. Все очень естественно. В подобных случаях женщины всегда давят на этот клапан, я сама давила на этот клапан, пока не вышла замуж за папу. Кстати, о папе: он очень плохо выглядит, стал ужасно раздражительный, чуть что не так — в крик! Твою Зину я тоже не знаю, но то, что ее отец, как ты пишешь, «влиятельная особа, с положением и с хорошей отдельной квартирой», говорит в ее пользу. Во всяком случае, для меня ясно, что Светлана — героиня не твоего романа. У нее ни кола, ни двора.

Знаешь что: сообщи мне ее адрес, я вижу, что тебе самому трудно с ней порвать, я напишу ей большое, теплое письмо, как женщина женщине, она меня поймет и оставит тебя в покое. Не беспокойся, я сумею написать, я в школе за сочинения получала пятерки...

6. ПОМОГИТЕ!

(Когда ее ребенку 30 лет)

— Дорогая Светлана Сергеевна! Это вам пишет Анна Ивановна, мать Тошика Глумева, помните, я вам писала и вы мне ответили замечательным, чутким письмом! Я его до сих пор храню. Светланочка, милая. Как я себя казню за то письмо! Ну да о чем теперь говорить! Вы, наверное, уже замужем и счастливы, может быть, вообще не живете в этом городе и ничем не сможете мне помочь. Но если вы там живете, Светлана Сергеевна, то помогите мне ради бога отыскать Тошу, посоветуйте, как это сделать. Вот уже год, как он не пишет мне ни строчки, адресный стол сообщил, что он выбыл, а куда выбыл, не сообщили. Может быть, вы знаете, куда? Я уверена, что это все штуки его Зинки. Ужасная особа! Они мне ничем не помогают, хотя знают, что пенсия у меня небольшая и мне трудно, потому что я болею и надо платить приходящей женщине, которая за мной ухаживает. Очень мне тоскливо, что осталась я совсем одна, а единственный сын, которому я отдала всю себя, даже весточки не подает. Но я уверена, что все это Зинкины проделки. Люди мне советуют обратиться в газету, уверяют, что мне помогут, потому что теперь кругом гуманизм, но я не хочу позорить Тошу, он слабохарактерный и попал под влияние своей мадам. Ах, если бы вы были рядом с ним, а не эта драная кошка Зинка!..

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

ИСТОРИЯ В САНАТОРИИ

В Крыму, где ласковое море
Игриво плещется у гор,
Стоял красавец санаторий
С массивной вывеской «Шахтер».
А за горой, над морем синим,
Был пионерский городок.
И как-то дети попросили,
Чтоб санаторий им помог:
Чтоб для торжественного сбора
Прислал им знатного шахтера.
Директор думал больше часа:
«Кого же я туда пошлю?
Кто здесь с Кузбасса, кто
с Донбасса,
Кто близок, так сказать, к углю?
Есть мастер графики-скульптуры —
Увы, не та кандидатура:
Хоть и рисует угольком,
Но с углем вряд ли он знаком.
Снабженец есть с какой-то базы,
Но в шахте не был он ни разу,
Хоть все товары круглый год
Из-под земли он достает.
Из филармонии актеры
За горняков сойдут едва ль:
Что им известно о шахтерах?
Пожалуй, лишь «Шахтерский вальс».
Директор думал больше часа,
Шагами мерил кабинет,
Хоть отдыхающих и масса,
Ни одного шахтера нет.
Да, безотрадная картина.
Звонит директор в городок:
«У нас, ребятки, скарлатина,
И по причине карантина
Я никого прислать не мог.
Чтоб не сорвался сбор у вас,
В Кузбасс звоните иль в Донбасс!»

г. Ленинград.

ВОКРУГ ТОПОЛЯ

Дорогие друзья! Если вы любите жизнь и не все еще успели совершить в этой жизни, убедительная к вам просьба: не скопляйтесь.

Не скопляйтесь в особенности у тополей.

Очень коварное это дерево.

Оно может засохнуть.

Треснуть.

И внезапно упасть на ваши неосторожные головы.

А голова человеку нужна. Хотя бы для того, чтобы составлять приказы. Это подтверждается неопровержимыми фактами.

Директор Краснодарского краевого ипподрома издал приказ. В нем как раз трактуется вопрос о засохшем на территории ипподрома тополе. Поскольку этот тополь, как указано в приказе, в любой момент может упасть, персоналу ипподрома строжайше предписано:

«а) не допускать скопления людей около дерева;

б) не ходить вокруг дерева;

в) поставить предупредительный знак у дерева, оповещающий опасность».

Можно было бы, конечно, возвести еще трехметровый железобетонный круговой забор вокруг дерева и выставить часовых с их традиционной перекличкой: «Слу-уша-ай!» Но такого варианта директору его фантазия пока не подсказала.

Как бы там ни было, дело сделано. Тополь стоит. Люди боятся. Директор Дуренко доволен.

А лошади ржут...

Ю. ЛЕОНИДОВ

Рисунок И. СЫЧЕВА

Нажмем!

(Рассказ тракториста)

Мы начали сеять кукурузу. Первый день налаживали сеялки. Во второй день пошло дело хорошо. Все агрегаты включились в работу. А на третий день, ранним утром, только настроились — сеялки заправили, мерную проволоку натянули, тракторы завели и уже тронулись, как вдруг видим: скачет в нашу сторону верховой. Что произошло? Думали, пожар или еще какое бедствие.

— Стой! — кричит гонец.

— В чем дело? — спрашиваем.

— Срочно на стан! Директор зовет!

Все остановилось. Мы пошли на стан, за три километра, а верховой поскакал в другую сторону, к другим агрегатам.

Приходим на стан — там директор нашего совхоза. Спрашиваем его:

— Что за тревога?

— Вот,— говорит,— подойдут остальные, тогда и расскажу.

Подождали. Подремали. Покурили. Солнце уже высоко поднялось. Когда собрались все трактористы и рабочие, что семена подвозят и проволоку натягивают, директор сказал:

— Товарищи! Вчера в производственном управлении было совещание. Задача стоит такая: как можно быстрее посеять «королеву полей». Нажмем, товарищи!

— Нажмем! — ответили мы и пошли обедать.

Шапка горит

Мы с Петром Александровичем, работником Комитета партийно-государственного контроля, целый день ездили по полям отдаленного района. Порядком устали, проголодались.

— Где бы нам переночевать? — спросил Петр Александрович.

Я вспомнил, что тут неподалеку живет мой старый приятель Захар: учились вместе в техникуме. Работает теперь, кажется, управляющим крупной свиноводческой фермой. Не встречались мы с ним, должно быть, лет пять.

— Заглянем к моему старому другу,— предложил я.— Дом у него большой, найдется место.

Так и решили. Завернули в магазин, купили гостинцев.

Старый приятель встретил меня с радостью. Я представил ему Петра Александровича. И, что за диво, Захара будто подменили: он сразу потускнел.

Пошли на реку. Искупались. Жена Захара собрала на стол. Отменная была окрошка. И жареный карась — пальчики оближешь. Ели мы с Петром Александровичем, надо признаться, с огромным аппетитом.

Но что такое происходит с хозяином? Он ни к чему не притронулся. И вид у него какой-то скучный.

После ужина я вышел в сад. Тут же подошел ко мне и Захар.

— Скажи мне, Федор, начистоту, неужели и в партконтроле узнали? — спросил он полушепотом.

— О чем? — заинтересовался я.

— Да о поросятах?

— О каких поросятах?

— Да я трех поросят с фермы подарил родственникам жены. Но ведь меня уже обсуждали и на партийном бюро и на партийном собрании. Выговор записали. И деньги я за этих поросят, будь они прокляты, давно заплатил...

«Вот уж поистине на воре шапка горит»,— подумал я.

Ф. БЕЛОХВОСТОВ

г. Тамбов.

Осваивают широкозахватную технику.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

Владимир КОРБАН

Писарь поневоле

За нерадивое веденье дел
Беднягу агронома школя,
Ермил Ермилович гремел:
«Как? Вы до сей поры еще не в поле?!
А где, я спрашиваю вас, активность?
Где боевитость? Где оперативность?
Ишь! Восседают тут в покое день за днем!..»
«Ермил Ермилыч! На кого ж я кину
Всю эту, чтоб ей сгинуть, писанину?» —
Чуть не заплакал агроном.
«И слушать не желаю вас! Оставьте!..
Извольте-ка сейчас отчет мне принести,
В доклад мой цифр, цитат подбавьте,
Все сводки срочно мне исправьте,
Проект решения составьте —
На выбор, вариантиках в шести,—
И в поле, друг мой. В поле! Живо!
Расстаться с креслом вам пора!
По вас колхозная истосковалась нива!..»
«Но мне ж, Ермил Ермилыч, до утра
По одному лишь вашему докладу,
Коль за него сейчас засяду,
Корпеть придется тут опять!»
«Ай, бросьте! Полно вам болтать!..
Да, вот еще: для областной газеты
Мой зам статейку должен дать
О том, как помогли колхозам сельсоветы.
Писать, конечно, некогда ему,
А посему
Вы набросайте, будьте уж любезны,
А он подпишет... И немедля — в путь:
Пора, мой друг, в поля вам заглянуть!
Довольно киснуть здесь!
Проветриться полезно!..»
И, дух переведя едва,
Наш агроном взялся за дело —
Над папками склонилась, заблестела
Его лысеющая голова...
А через день иль через два
Вновь жертвой выговора стал он поневоле:
«Как? Вы до сей поры еще не в поле?!
А где, я спрашиваю вас...»

Я агрописарей встречал, увы, не раз:
В поля и рады б вырваться, бедняги,
Да не пускают их бумаги.

Перевел с белорусского
Валентин КОРЧАГИН.

ВО ДВОРЕ ЗЛАЯ СОБАКА

В недалеком прошлом любители вытягивания грошей из карманов своих ближних заводили рулетку. Сейчас рулетка вышла из моды. Павел Пантелеевич Макаренко вместо нее купил двухэтажный каменный дом о двуста квадратных метров жилой площади. С конюшней, сараями и прочими дворовыми службами.

Конюшню Павел Пантелеевич за ненадобностью аннулировал, сараи приспособил под жилье, опутал забор *колючей проволокой*, посадил на цепь волкообразного пса, навесил на ворота амбарный замок и, полюбовавшись *делом рук своих*, вздохнул с облегчением. Половина дела по отъему денег у трудящихся масс была сделана. Оставалось только привлечь внимание самих трудящихся.

Так Павел Пантелеевич и поступил, не мешкая. Вышел на городские улицы и наклеил на заборы объявленьица: «Сдаются комнаты для студентов, одиноких и малосемейных граждан. Короткий переулок, 12».

Студенты, одинокие, а также малосемейные граждане на объявление откликнулись. *Павел Пантелеевич* тотчас же внес их фамилии в личную домовую книгу и открыл против *каждой лицевой счетец: десять рубликов с каждого ежемесячно.*

В сараях поселились студенты, в полуподвалах — одинокие, во флигелях и на первом этаже — малосемейные. Второй этаж хозяин дома оставил для личных надобностей: собирать дань и наслаждаться жизнью.

Так оно и пошло. Ни забот, ни хлопот: дом на сто лет, хлебного мякиша для расклейки объявлений нажевать несложно — словом, пользуйся!

И Павел Пантелеевич, разумеется, пользуется. В содружестве с многочисленными единомышленниками. В финансовом отделе горсовета насчитывают таких единомышленников 4 680 человек. Вся эта армия блюстителей кубышки не отстает от *Павла Пантелеевича* ни в наглости, ни в аппетитах. К примеру, некая Коровкина Александра Петровна (*Провиантская улица, 27*), *владея двухэтажным домом* в сто шестьдесят квадратных метров, обирает с его помощью ежегодно до десяти человек и более. Петр Иванович Шаронов (Закирпичная, 3) на ста двух лично принадлежащих ему квадратных метрах содержит три семьи и шесть студентов...

Каждый такой рантье-домовладелец имеет в среднем сто квадратных метров излишков жилья. И выходит, что нетрудовые рубли выколачиваются с площади немногим менее полумиллиона квадратных метров! Целый город в городе бесперебойно работает на армию тунеядцев, огородившихся опутанными колючей проволокой заборами и юридическим правом на домовладения.

— А что поделаешь! — искренне огорчаются в горсовете.— Все знаем, все ведаем. А только, кроме посильного сбора подоходных налогов, сделать с этими мироедами ничего не можем. Закон препятствует.

Закон, охраняющий личную собственность граждан,— нужный закон. Но вопрос в том, во имя чего и какую собственность он охраняет! Собственность, если она служит постоянным и откровенным источником нетрудовых доходов, охранять в нашей стране вряд ли целесообразно. Кроме пополнения племени *тунеядцев, в этом случае ждать нечего.*

Почему, скажем, дачи, купленные на нечестно нажитые деньги, отбирают, а дома, посредством *которых продолжают нечестно наживаться* павлы пантелеевичи, отбирать не принято? Почему лиц, посвятивших себя обогащению за счет незаконных промыслов, привлекают к уголовной ответственности, а коровкиным и шароновым, средь бела дня обирающим людей, покладисто выписывают квитанции по сбору подоходного налога?

И как выписывают! На глазок да на честное слово...

— Сколько у вас жильцов было в прошлом месяце? — спрашивает инспектор райфо у того же Макаренко, опасливо косясь на злобно рычащего за порогом пса.

— С десяток, я думаю, наберется,— глядя в потолок, роняет Павел Пантелеевич.

А кто их считал? Не сажать же у ворот специального учетчика!

— Почем дерете... простите, берете с каждого?— задает второй и последний вопрос инспектор.

— Пятерку беру. Не ради корысти, от скуки квартирантов пускаю,— все так же глядя *в потолок, цедит домовладелец.*

Инспектор, тоскуя и стесняясь, тоже поднимает очи к потолку, откуда опрашиваемый берет необходимые для отчетной статистики цифры, и наливается багровым румянцем. Он знает, что не пять рублей, а десять, а то и пятнадцать дерет ежемесячно с каждого постояльца «скучающий» стяжатель, но сделать ничего не может: инструкция гласит — выписывать сумму налога не иначе как со слов домовладельца.

И инспектор выписывает. Двухэтажная, на двести квадратных метров кормушка Павла *Пантелеевича обошлась ему за год всего-навсего в 62 рубля 80 копеек.* А сколько рублей, не считая копеек, сунул он за это время *в свою объемистую кубышку! Об этом знает* лишь сам Павел Пантелеевич. Знает и, разумеется, помалкивает.

Помалкивает и Юлия Геннадиевна Митрясова, владелица *личного* особняка на Енисейской улице. Сама Юлия Геннадиевна давно уже живет в благоустроенной государственной квартире, а дом на Енисейской попридерживает ради приятной возможности набивать денежными купюрами капроновый чулок. Не торопится передать дом государству и Олимпиада Георгиевна Пузанова: у нее там, на Мантуровской улице, содержится — разумеется, не безвозмездно! — десяток-другой квартирантов. Сама же Олимпиада Георгиевна постоянно прописана в доме № 3 по Широтной улице; здесь у нее отдельная двухкомнатная квартирка, которую получил зять по месту службы.

Да и почему бы им, в сущности, не помалкивать, если молчит общественность, молчит закон, молчит уголовный кодекс! И только инспектора райфо *время от времени* робко стучатся в запертые на замки ворота и застенчиво спрашивают:

— Сколько у вас, уважаемый, жильцов-квартирантов?

Г. АЛЕКСАНДРОВ,

специальный корреспондент Крокодила

г. Горький.

ТРИ МУДРЕЦА

— Приличный опорос! — сказал Игнат,
заметив утку с выводком утят.
— *Опомнись!* — *упрекнул его Федот.* —
При чем тут опорос, когда — окот!
Но Эдуард обоих превзошел:
— Да это же типичнейший отел!..
...Им, мудрецам, вчера в нарядном зале
дипломы зоотехников вручали!

В. МИЛЮТИН

АЛАДИН И ВОЛШЕБНАЯ ЛАМПА

— Я вызвал тебя, джинн, чтобы ты достал лампу 6П13!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

— Говорят, с Луной связаны приливы и отливы.
— И недоливы тоже от Луны?

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА

Гражданин Д. предпринял злостную попытку подорвать финансовую мощь нашего Отечества. Он умышленно задолжал казне.

Но народный суд города Орджоникидзе не дремал. Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики суд решил незамедлительно взыскать с гражданина Д. долг и передать его по принадлежности — в государственный доход.

Свое решение нарсуд изложил на исполнительном листе, отпечатанном на гербовой бумаге. Подписи нарсудьи и секретаря (к сожалению для истории, неразборчивы) скреплены гербовой печатью. Заказной почтой лист направлен к месту работы должника.

Дорогие читатели! Вы можете спать спокойно.

Брешь в нашем бюджете будет залатана. Гражданин Д. внесет в госдоход 20 копеек. Справедливость восторжествует.

Впрочем, подождите засыпать. Пока мы следили за тем, как Орджоникидзевский нарсуд самоотверженно боролся со злостным индивидуумом, стало известно, что не менее тяжкий урон бюджету пытаются нанести целые государственные предприятия.

Камышинский хлопчатобумажный комбинат отправил на Волгоградскую областную торговую базу «Ростекстильторга» два контейнера своей продукции. Причем оказалось, что камышинцы — люди с дурными наклонностями. Вместо кипы № 10—96 они подсунули кипу 11—3596.

Дело, разумеется, не в номерах. Дело в ценах. Стоимость кипы 10—96 значительно выше стоимости кипы 11 — 3596.

На сумму 3 коп.!!!

И, конечно же, управляющий базой тов. Карачунов и юрисконсульт тов. Скорикова *приняли меры.*

По их повелению немедленно была создана авторитетная комиссия из четырех человек. Комиссия произвела тщательное обследование полученного товара, и попытка камышинских текстильщиков надуть базу (а стало быть, и государство) на три копейки нашла свое полное подтверждение.

Комиссия написала акт на четырех страницах. Из 27 граф. К акту члены комиссии приложили исчерпывающее описание обнаруженной липовой кипы и удовлетворенно расписались.

Последняя, 27-я графа в акте—«Особые мнения членов комиссии, несогласных с заключением комиссии» — *осталась незаполненной.*

Не было несогласных. С огромным единодушием члены комиссии встали на защиту финансовых интересов государства.

Видать, много рабочих часов стояли они на защите. Свой труд комиссия передала по инстанции — управляющему и юрисконсульту.

А товарищи Карачунов и Скорикова, пылая негодованием, отправили на Камышинский хлопчатобумажный комбинат бумагу под громким названием «Претензия».

— Деньги на бочку!

— Гони 3 копейки — и баста!

Дорогие читатели! Не можем мы с вами спать спокойно. Один гражданин тоже вот так уснул. Села тому гражданину на нос муха. А на страже стоял, помнится, медведь. Что потом произошло, вам известно. Вот так!

А. С.

ОДЕРЖИМЫЙ

Мои коллеги, литературные критики, почти всегда третируют любовь. Обнаружат какой-нибудь крохотный лирический мотивчик в громадном романе и начинают костить автора: тут он-де погружается «в узко интимный мирок» или «недостатком этого серьезного романа является вся история любви героя и героини».

Читаешь такое, и становится ясно: если герой влюбился, он уже вроде бы и не герой.

Нет, товарищи, любовь, она бессмертна, она живет, и, несмотря на то, что в литературе с ней шутят, сама она в жизни шутить не желает и творит нередко нечто поразительное.

...В городе Н., в штабе одной из добровольных дружин, я сидел рядом с лейтенантом милиции. Мы беседовали о драках, хулиганах, пьяницах и тунеядцах. Лейтенанту очень хотелось показать мне, как добровольцы «берут в оборот» нарушителей. Но нарушения в этот вечер как нарочно были мелкие. Велосипедист переехал легкомысленную курицу, гулявшую на шоссе. Подрались где-то мальчишки-голубятники, но, когда им разъяснили, что драться, да еще из-за голубей,— величайший позор, они тут же помирились.

Я уже решил, что ничего существенного на фронте борьбы за порядок не произойдет, и собрался уходить. Вдруг открылась дверь, и под конвоем двух неразлучных подруг — стройной, высокой Лары и маленькой полной Зори, которых здесь для краткости зовут Лазори,— в комнату вошел молодой, очень опрятно одетый, ладный парень. Он без приглашения опустился на стул. В комнате появились свидетели, видимо, обитатели одного дома.

— В чем дело?— спросил лейтенант.

— Пусть сам скажет,— ответила Зоря и, покраснев, добавила: — Мне неудобно.

— Такое себе позволил, что девушкам стыдно рассказывать? Докладывайте, Лазори!

Девушки заговорили вместе, почему-то как бы оправдываясь:

— Он не хулиганил...

— Мать вот этой девушки просила его задержать,— указала на кудрявую девушку Лара.

— Давайте, граждане, объясняйте: в чем дело?

— Дело щекотливое, товарищ начальник,— сказала полная женщина с руками в муке,— но терпения нашего больше нет.

— Хулиганит?

— Да нет, он тихий.

— Влюбленный! — сказала Лара и прыснула.

— Что за смешки! — одернул лейтенант дружинницу и невозмутимо спросил: — В кого?

— В меня,— вышла вперед кудрявая, веснушчатая курносая девушка в светлом плаще, покрасневшая так, что стало не видно веснушек на ее личике.

— Так, понятно. И что же, он пристает?

— Нет. Сидит возле дома на лавочке.

— И все?

— Что значит и все?! — сказала полная женщина.— Если в обед сидит, вечером сидит, ночью сидит, это ж можно с ума сойти!

— Я ему ясно сказала,— объявила курносая,— что с ним дружить не буду. А он сидит.

Жильцы загудели:

— Совести нет. Сказали ж ему. Дни и ночи всем глаза мозолит! Выйти на улицу посидеть невозможно: скамейка всегда занята.

— Тихо, граждане! Порядок он нарушает? Шумит, буянит, ругается?

— Попробовал бы он буянить! Я б сама ему голову свернула, без дружинников,— сказала полная женщина.— Но, поймите, я мать! Вы тоже человек пожилой, может, у вас у самого дочь на выданье. И вы должны меня понять. Девочка хочет себе человека по душе подобрать. А ее молодые люди провожать боятся.

— Он что, дерется?

— Хуже: смотрит, как раненый зверь!

Тут парень поднял голову, и я увидел этот взгляд: запавшие, подернутые влагой глаза, обрамленные колючками перепутанных ресниц.

— Где работаете?— спросил лейтенант.

— В поликлинике. Напротив нас. Он зубной техник,— ввязалась в разговор веселая соседка пострадавших.— Пока Милочка на работе, он свои протезы делает. Как только вернется, он сейчас же выходит, и садится у наших ворот на скамью, и глядит в окно, будто помешанный.

— Гражданка, прошу без выражений! Я лично пока тут никакой статьи не вижу. Возможно, человек больше вашего страдает.

— И пусть страдает у себя дома, а не у нас на скамейке! И не стыдно человеку: все на него пальцами показывают, все над ним смеются, а он сидит, как пень!..

Лейтенант, хотя и находился при исполнении служебных обязанностей, был прежде всего мужчина. И он решил воззвать к мужской гордости странного нарушителя.

— Действительно, неудобно получается,— сказал он парню.— Надо же все-таки иметь...

Но тут парень поднял влажные, сумасшедшие глаза, и лейтенант осекся. Помолчал. Потом с невольной враждебностью посмотрел на Милочку и спросил:

— А что вы против него имеете? Человек — техник. Профессию имеет. Зарабатывает, наверное, неплохо. Сходили бы в кино...

Милочка опять запунцовела до полного исчезновения веснушек и безжалостно уронила:

— Скучно мне с ним.

А Лазори совсем доконали малого.

— Он, как видно, не растет,— сказала Лара.

— Общей культуры не хватает,— добавила Зоря.

— Самолюбия у него нет, вот что главное,— сказала мать Милочки.— Вот вы, как мужчина, и побеседуйте с ним на эту тему. А мы пойдем: боюсь, мое тесто уже на улицу выскочило...

И жильцы ушли. Скромно отодвинулись на задний план Лазори. А парень смотрел своими дикими глазами на лейтенанта и молчал. И лейтенанту было нечего сказать ему потому, что в таком вопросе любая власть бессильна, и нет еще административной меры пресечения для безответной любви.

Лейтенант избрал меру человеческую.

— Не понимаю, и что ты в ней нашел: курносая, конопатая!.. Явно тебя не уважает. Посмешищем сделала. А за что? Скамейку ее, видите, просидел!

И тут парень впервые раскрыл рот и простонал:

— Люблю я ее!

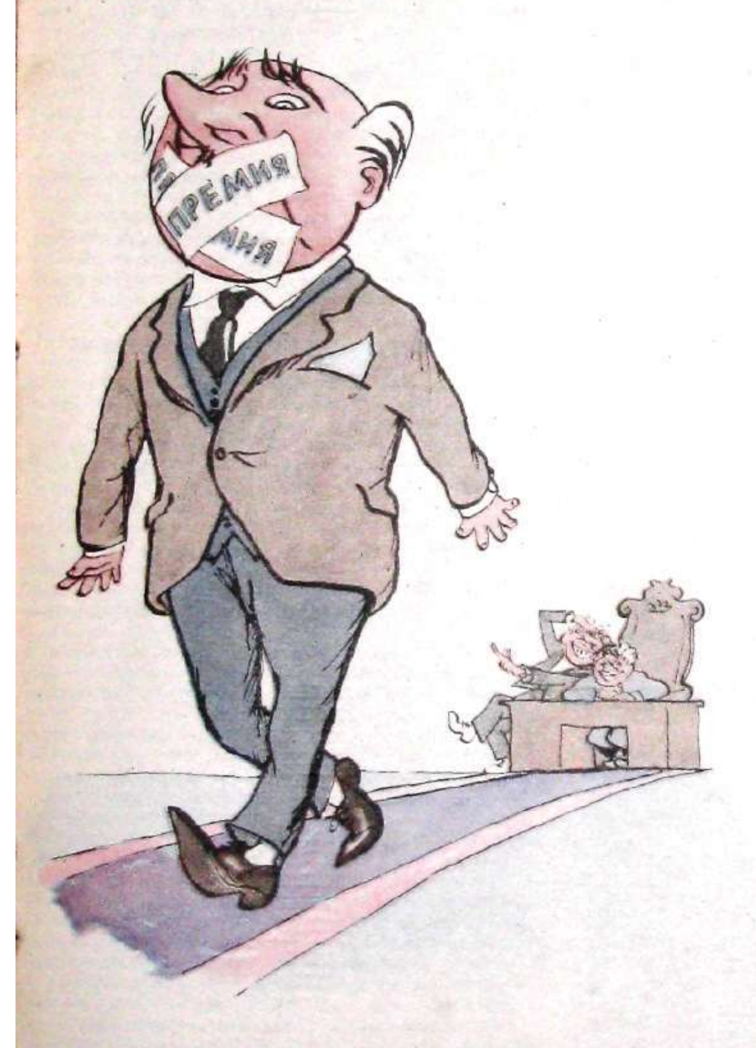
Воцарилась долгая тишина.

— Вот беда,— сказал лейтенант.— Ладно. Иди.

Парень встал и побрел к двери.

— Куда ж ты теперь?— невольно спросил лейтенант.

— На скамейку!

— Пусть теперь он попробует нас критиковать!

Рисунок Е. ГОРОХОВА

Следы привели

Налетчики проникли в банк за пять минут до начала обеденного перерыва. Связали постового милиционера и торопливо прошли в кабинет управляющего банком.

— Ключи от сейфа! — хрипло скомандовал один из них, наводя пистолет на бледного государственного казначея.

Управляющий побледнел еще больше и нажал кнопку сигнализации. Сигнализация не работала. Телефон — тоже.

— Ключи! — злорадно улыбаясь, повторил верзила с пистолетом и топнул ногой, обутой в красивый ботинок на толстой подошве.

Управляющий покорно сунул руку в карман своих брюк... Через пять минут один из банковских сейфов был очищен до последнего рубля. Через десять — налетчики скрылись в неизвестном направлении.

Самоотверженные попытки работников милиции обнаружить преступников оказались тщетными. И вдруг в милицию поступило донесение. В нем говорилось, что в небольшом городке Унече замечены подозрительные люди в добротных шерстяных костюмах с пухлыми кожаными портфелями в руках. Обладатели добротных костюмов бесшабашно тратят деньги и ведут довольно беспечный образ жизни. К донесению была приложена изъятая у одного из подозреваемых сторублевая купюра № ЯЗ 9 805 963. Номер купюры совпал с номером одной из похищенных сторублевок.

Через час из Москвы в Унечу вылетала специальная бригада детективов и сотрудников Крокодила. Унеча оказалась совсем крохотным городком Брянской области. И где-то в этом городке притаились налетчики. Да, но где именно?

КУДА ВЕДУТ СЛЕДЫ!

Первое, что бросилось в глаза участникам операции,— это отпечатки автомобильных шин на главной улице городка. Они начинались у дверей промышленного райисполкома и обрывались у ворот городского комбината бытового обслуживания. Во дворе комбината уныло стояла скособоченная «Победа». Ручки у машины были оторваны, приборный щиток искоречкан, мотор раскулачен.

— Это, несомненно, улика! Добрый человек не мог загубить народное добро! И этот губитель где-то здесь, поблизости! — воскликнул опытный детектив и, взглянув на землю, сразу заметил на ней какие-то следы. На сей раз это были следы ботинок на толстой подошве. Они вели в кабинет директора комбината.

После часового перекрестного допроса под тяжестью собранных улик и разбазаренных частей автомобиля директор комбината признал, что принимал участие в налете на Госбанк. Однако назвать сообщников наотрез отказался.

И здесь читатель имеет право прервать повествование и выразить свое обоснованное удивление.

— Ну что вы нам рассказываете небылицы! — воскликнет он.— Какие могут быть налетчики в наше время?! Да и откуда им взяться?

И все-таки, дорогой читатель, они есть. На первый взгляд эти люди ничем не отличаются от

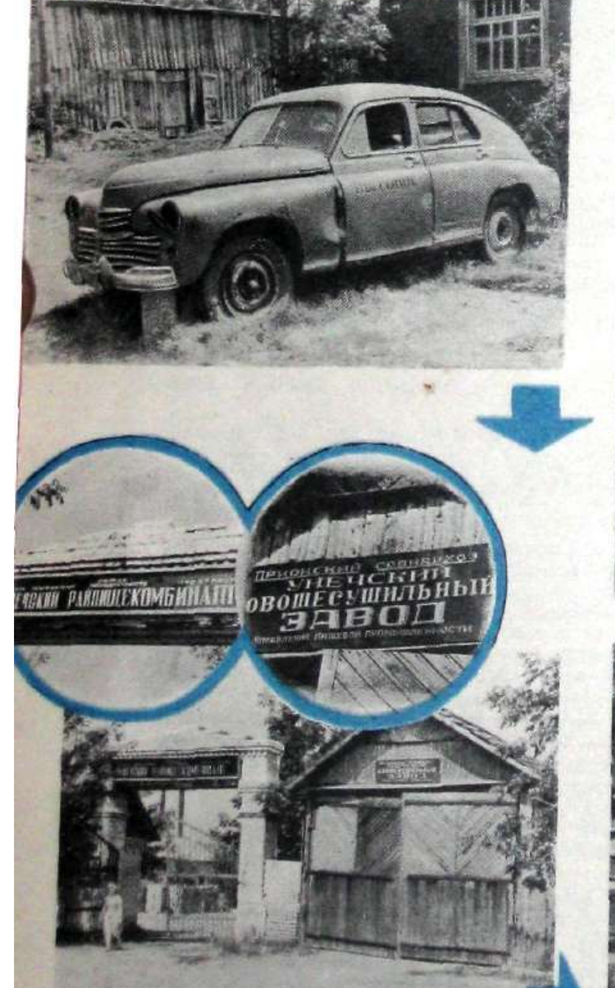

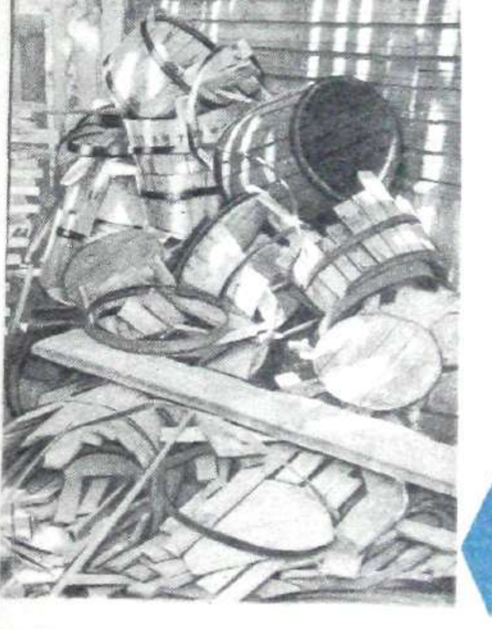
всех других. Ежедневно в девять они являются на работу. Два раза в месяц получают зарплату. Посещают собрания, платят профсоюзные взносы.

И все-таки это налетчики. К тому же вооруженные!

Правда, они не носят за голенищем финских ножей, не пользуются кастетами и не держат в нагрудном кармане своих пиджаков пистолетов, ибо там лежит профсоюзный билет. Но у них есть другое оружие — равнодушие.

С его помощью вскрываются банковские сейфы, опустошаются кассы, губится народное добро. Тот же директор городского комбината бытового обслуживания, спокойно позволивший разгромить злополучный автомобиль, загубил 1 600 рублей государственных денег. Только один человек. Только в одном учреждении. А сколько их, таких равнодушных, в городе! И хотя почтенный владелец ботинок на толстой подошве отказался назвать своих сообщников, обнаружить их нетрудно. Для этого достаточно лишь пройти по следам разгромленной техники и уничтоженных ценностей.

К ВОПРОСУ О ПЕРСОНАЛЬНОМ МЕРИНЕ

Был, например, в маленькой Унече небольшой райпищекомбинат. Он выпускал сладкие джемы, сдобные булочки и солил огурцы. Кроме того, комбинат делал клюквенный кисель, картофельный крахмал и популяризировал среди местного населения безалкогольные напитки и бодрящий огуречный рассол. Штат комбината состоял из двух десятков рабочих и директора. Производственные мощности — из одной трубы.

— Несолидно!..— сказал кто-то из городских руководителей.— Несолидно, когда такие люди, как мы, руководим городом с одной фабричной трубой.

— И верно! — засуетились другие.— Да будь в нашем распоряжении хотя бы две трубы!.. А то, понимаешь ли, никакого промышленного потенциала!

Так крохотную Унечу решили сделать двухтрубным индустриальным гигантом. И сделали. Посредством обычной рулетки и феноменального головотяпства.

Территорию райпищекомбината разделили на две части. Все, что осталось слева, назвали Райпищекомбинат, все, что оказалось справа,— Овощесушильный завод совнархоза. Оставалось разделить лишь директора Борисенко. Но по соображениям гуманности и во избежание семейственности делать этого не стали. Новому предприятию дали нового директора. А к нему приставили 23 штатных единицы, личного кучера и персонального мерина. Осталось лишь возвести трубу. Возвели. С тех пор в Унече два завода. Райпищекомбинат по-прежнему выпускает сдобные булочки и солит огурцы, а Овощесушильный завод успешно производит сухие бухгалтерские балансы и разорительные убытки. Убытки немалые. За последнее время они со-

В Унечу...

ставили 125 тысяч рублей. Это ли не налет на банк!

Нерентабельное предприятие, которое никогда ничего не выпускало и, не имея сырьевой базы, выпускать не будет, давно следовало ликвидировать. Но взяться за это некому.

Вот и торчат над Унечей две трубы. Одна находится в ведении сельского райисполкома, другая — *промышленного*. На *каждого* — *по трубе*. И в каждую летят народные денежки!

ПРОПАДАЙ МОЯ ТЕЛЕГА!

Это лозунг равнодушных, их моральное кредо. И проистекает оно отнюдь не от презрения к устаревшей телеге, а от наплевательского ко всему отношения.

— Пропадай моя телега!—весело объявил както заведующий унечской промтоварной базой В. Д. Полазуха и свалил прямо в грязь одноконное средство передвижения на железном ходу стоимостью в 66 рублей.

— И не жалко?

— Так ведь это только говорится, что она *моя*, а в действительности она совсем даже не моя,— охотно пояснил Полазуха и свалил в грязь еще 199 телег на общую сумму 13 134 рубля.

Задумчиво поковыряв в ухе, что означало у заведующего базой степень крайнего умственного напряжения, Полазуха приобщил к одноконным телегам 16 *тонн замазки*, 2 900 *килограммов* арматурной стали и 13 шкафов по цене 40 рублей за штуку. И что же?

Арматурная сталь проржавела, телеги сгнили, шкафы треснули. Сохранился лишь сам Полазуха. Из государственного кармана благополучно уплыло еще несколько тысяч рублей. А Полазухе *наплевать!*

Между тем почин Полазухи с энтузиазмом подхватили налетчики из других организаций. В частности, из унечского промкомбината. Здесь точно так же хранятся школьные парты и деревянные ушаты. Результат тот же. Парты распались на составные части, от ушатов остались одни заклепки. И еще осталась запись в книге почета. Дифирамб в честь начальника снабжения Фридмана, сохранившего заклепки. Дифирамб впечатляющий, но куцый. Ибо честь спасения заклепок принадлежит не только бравому зауряд-снабженцу Фридману, но и главному инженеру комбината Озиракину, директору. Но о них ни в книге почета, ни в книге приказов ничего не сказано. Ничего не говорится об этих руководящих мужах и в *указующих решениях городских инстанций*.

— А что говорить-то?! — философствуют в Унече.— Раз пропало, значит, списать надо!..

Пофилософствовать в Унече между прочим любят. Например, в лесоторговом складе. Здесь философская база подведена под весь ассортимент: елки, палки, потолочные балки и печные дверцы.

— Разбита печь водяного отопления? Так ведь заварить можно... Недостает 349 килограммов цемента? Так ведь ветер развеял! А какой с ветра спрос? Природа!..

И еще в Унече очень любят списывать материальные ценности. Например, под таким соусом: «Пиломатериал от длительного хранения принял потемневший вид, трещины, трухлявость, перевести в пятый сорт». И сорок три с половиной кубометра леса переводят в пятый сорт. А 690 рублей 46 копеек списывают.

Круглолицые, сияющие хозяйственники в головном железнодорожном буфете списывают принявшую «от длительного хранения» потемневший вид соленую ставриду, в райпотребсоюзе — замороженных цыплят.

— Эх, пропадай моя телега! — беззаботно трубят равнодушные хозяйственники и списывают все, что попадает под руку. А что? Ведь это только говорится «моя телега». А на самом-то деле она казенная!

КОМБАЙН УМИРАЕТ СТОЯ

Путешествие по унечским тропам бездушно-равнодушного отношения к народному добру может завести, скажем, в колхоз «Дружба». Знаете ли вы, как в этом колхозе умирают комбайны? Стоя! Один, например, уже умер. И со дня своего рождения до последней минуты, когда по указанию председателя колхоза комбайн распилили на части и отвезли в утиль, он все время стоял. Не работал. А это был совсем новый комбайн.

Между прочим погибший комбайн не одинок, а колхоз «Дружба» не исключение. На территории мостопоезда ржавеет под открытым небом растворомешалка. На промкомбинате разукомплектованы два новеньких станка. А на мясокомбинате? На маслозаводе?.. Кстати, снимите шапки! Ибо в эту минуту на унечском маслозаводе погибают целая поточная линия и сливкосозревательная ванна. Стоя, конечно. Под открытым небом.

БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ

Итак, подобьем цифры, подведем итог, сделаем выводы.

Во что же обошлась акция унечских налетчиков на Государственный банк? А вот во что.

Принадлежащие промтоварной базе одноконные телеги стоят 13 200 рублей, шкафы — 520, парты, изготовленные промкомбинатом,— 1 156 рублей, плюс ушаты, плюс ставрида, плюс замазка, арматурная сталь, цемент, лес, автомашина... А еще плюс 125 тысяч убытка Овощесушильного завода. И во всех случаях взлом сейфа осуществлялся посредством наплевательского отношения к доверенному добру. Только с помощью равнодушия!

И не думайте, что налетчик не ведает, что творит. Он всегда защищен водонепроницаемыми формулировками. Вот вам пример. В 1962 году стройуправление № 322 построило для унечского районного объединения «Сельхозтехника» навес под минеральные удобрения. Три месяца навес стоял, а на четвертый рухнул. Рухнул и похоронил 13 307 рублей. И ничего, списали. С такой формулировочкой: «Причиной разрушения навеса явился шквальный ветер, пронесшийся 18 мая 1963 года, силой 30 метров в секунду, захвативший район расположения навеса».

Ай-ай-ай, какой нехороший ветер! И пришлось хорошему начальнику стройуправления Саяпину подписывать акт. И председателю районного объединения «Сельхозтехника» Палевичу тоже. А вместе с ними акт подписали еще шесть человек, в том числе начальник гидрометеорологической станции Паренко.

А никакого ветра силой 30 метров в секунду, дорогой читатель, в этот день в Унече не было. Это без ведома начальника метеостанции засвидетельствовала одна из лаборанток в справке следующего содержания: «Дана настоящая о состоянии погоды 18 мая 1963 года. В районе метеостанции Унеча с 15 часов 38 минут до 17 часов 40 минут наблюдалась гроза с ливневым дождем и усилением ветра в 14—16 метров в секунду». Заметьте: в 14—16!- И тем не менее навес рухнул. Вот и выходит, что стойкие носители зловредного пережитка умеют не только швырять деньги на ветер, но и прятать концы в воду.

Заканчивая общегородской смотр беспримерного разгильдяйства, мы пригласили в редакцию районной газеты «Ленинское знамя» исполняющего обязанности директора Овощесушильного завода Коваленко, главного инженера промкомбината Озиракина, председателя райпотребсоюза Воробьева, главного инженера маслозавода Сыкалова, председателя районного объединения «Сельхозтехника» Палевича, начальника стройуправления № 322 Саяпина, заместителя директора головного железнодорожного буфета Силкина (см. снимки вверху, слева направо).

Итак, дорогой читатель, перед вами опустошители банковских сейфов. Будьте осторожны! Налетчики вооружены!..

В их руках страшное оружие — равнодушие.

Рейдовая бригада Крокодила и районной газеты «Ленинское знамя» рабкоры А. БЫБИН, Г. ВОЛЫНСКИЙ, А. ДРОЗДОВ, В. ПОТЕМКИН, А. ТУМАНОВ, А. ШЕВЧЕНКО, сотрудники газеты «Ленинское знамя» М. ГАСПИРОВИЧ, М. ГОЛОВИН, Ю. САЛТЫКОВ, П. ЧУБКО, специальный корреспондент Крокодила Б. ДАНЕЛИЯ.

РЫБАК РЫБАКА ГРАБИТ ИЗДАЛЕКА

В Нарьян-Маре сказку о рыбаке и рыбке рассказывают в несколько измененном виде.

Жил старик со старухой на берегу реки. Однажды старик поймал рыбку, а рыбка ему и говорит:

— Отпусти меня, старик, я тебе потомство свое отдам.

Старик поверил и выпустил рыбку в реку. Ждал он, ждал, но ничего и не дождался. Плюнул рыбак с досады и поплелся домой, кляня неверную рыбку на чем свет стоит.

А рыбка-то была не виновата: она очень хотела сдержать свое слово, но ее поймал другой рыбак и, недолго думая, слопал.

Сказочка эта сложена неспроста.

В устье Печоры, у города Нарьян-Мара, рыбаки промышляют семгу. Поскольку этой аппетитной рыбы стало не густо, они решили часть добычи выпускать обратно в реку: пусть, дескать, нерестится на здоровье, пусть не иссякают ее запасы. По совету ученых они внедрили новый метод лова — с помощью сетного забора. Часть семги они вылавливают, а другую—пересчитывают, просматривают и пропускают в верховья реки на нерест.

Пропустят семгу и ждут, что ее больше станет. А запасы рыбы почему-то не увеличиваются. В чем дело? А в том, что на Печоре, кроме архангельских, промышляют еще и другие рыбаки.

Низовья Печоры находятся в Архангельской области, а верховья — в Коми АССР. Республике Коми ученые посоветовали прекратить лов семги и получать свою порцию в готовом виде—мороженом или соленом—с рыбокомбината в Нарьян-Маре.

— Это чтобы мы свою собственную рыбу получали в Архангельской области?— запротестовал министр продовольственных товаров Коми АССР тов. Игнатов.— Не выйдет! Мы, слава богу, сами умеем семгу и ловить, и коптить, и даже балыки делать!

Министр приказал своим рыбакам раскинуть сети. И научно проверенные, пересчитанные экземпляры семги, вместо того чтобы производить на свет жизнерадостное потомство, отправились прямым путем на балыки и бутерброды. Видимо, не зря говорится: на одном плесе двум рыбакам не житье.

Тут в дело вмешался Главгосрыбвод. Заинтересованные представители Архангельской области и Коми АССР были приглашены в Москву на совещание совместно с учеными. Посовещавшись и поглотив изрядное количество бутербродов с семгой, собравшиеся постановили: «Запретить лов семги всеми другими способами и орудиями лова, кроме сетного забора, в Печорском заливе, дельте реки Печоры и ее бассейне».

А рыбаки Коми АССР после этого совещания преспокойно продолжали ловить семгу.

Тогда Главгосрыбвод созвал второе совещание заинтересованных сторон, подтвердившее решение первого совещания.

А в верховьях Печоры, у нерестилищ, рыбаки Коми продолжали вылавливать семгу.

Разъярившись, Главгосрыбвод созвал третье совещание, после которого была издана новая директива. Пункт пятый ее гласил: «Считать совершенно недопустимым производить на территории Коми АССР лов пропущенной и просчитанной семги».

А в Коми АССР преспокойно продолжали ловить семгу.

И продолжают по сей день.

Потому что в каждой из названных директив по соседству с пунктом, запрещающим лов семги на территории Коми, стоит пункт, разрешающий его. И в последней директиве вслед за пунктом пятым следует пункт шестой: «В порядке исключения считать возможным разрешить лов семги на территории Коми АССР в количестве 350 центнеров». А где 350 центнеров, там и больше...

Левой рукой руководители Главгосрыбвода поддерживают архангельских рыбаков и ученых-рыбоводов, а правой — руководителей Коми АССР, для которых их собственные интересы выше государственных.

— Что с ними поделаешь?— разводит руками заместитель начальника Главгосрыбвода тов. Косов.— Приезжают к нам, клянчат. Приходится им уступать...

Вот и получается, как в новом варианте сказки о рыбаке и рыбке: один рыбак ловит рыбку и выпускает в реку, а второй ее тут же ловит и ест. Поэтому-то местные жители и опасаются, что в недалеком будущем число директив Главгосрыбвода превысит поголовье семги в славной реке Печоре.

А. ГОЛУБ

Парковая аллея.

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Н. ВЛАДИСЛАВСКИЙ

ХОРОШО, ДА НЕ ОЧЕНЬ...

Встретились два приятеля — жители небольшого американского городка в штате Иллинойс. Один из них слывет оптимистом, другой — пессимистом. Разговорились:

— Слушай, Джон, газеты пишут, что у нас, в Соединенных Штатах, в настоящее время насчитывается до пяти миллионов безработных. Что ты на это скажешь?

— Это плохо, дорогой Ральф!

— Плохо, да не очень...

— Почему?

— Безработные получают пособие, позволяющее им успешно балансировать между жизнью и смертью. По официальным данным, более 430 тысяч жителей *нашего родного* штата не имеют никаких других средств к существованию, кроме пособия по безработице. Благодаря этому пособию многие из них еще не переселились в мир иной...

— Это хорошо.

— Хорошо, да не очень...

— Почему?

— *Пособие выдается не вечно: по истечении* определенного срока безработному предоставляется неограниченное право действовать по принципу «спасение утопающего — дело рук самого утопающего».

— Это плохо.

— Плохо, да не очень...

— Почему?

— *Если безработный начинает умирать с голо*ду, на помощь ему спешит какая-нибудь благотворительная организация. В нашем штате, например, такой организацией является Комитет общественной помощи.

— Это хорошо.

— Хорошо, да не очень...

— Почему?

— Благотворительные организации располагают такими средствами, которые позволяют лишь до поры до времени поддерживать жизненный тонус безработного. Недавно председатель Комиссии общественной помощи штата Иллинойс гос*подин Свэнк заявил: «Наши пособия в лучшем* случае можно назвать жалкими». Существует расчетный «максимум» потребностей семьи безработного, на основании которого упомянутая комиссия определяет размер пособия. Согласно *специальным инструкциям, на семью безработно*го полагается: одна банка гуталина и один гребень в год... Босым и лысым этой нормы более чем достаточно. Потребности безработного в питании, одежде и жилье определяются исходя из аналогичных норм.

— Это плохо.

— Плохо, да не очень...

— *Почему?*

— «Максимум» вместе с тем предусматривает удовлетворение таких потребностей, которые являются роскошью для безработного. Например, он имеет право раз в месяц бесплатно послать *кому-нибудь открытку...*

— Это хорошо. С помощью открытки можно выразить министру труда горячую благодарность за обещания резко снизить безработицу в стране.

— Хорошо, да не очень...

— Почему?

— А где безработный возьмет вторую открытку, чтобы послать министру прощальный привет, когда иссякнет пособие и придется протягивать ноги?

— Это плохо.

— *Плохо, да не очень...*

— Почему?

— «Максимум» мудро предусматривает право безработного воспользоваться двумя телефонными звонками.

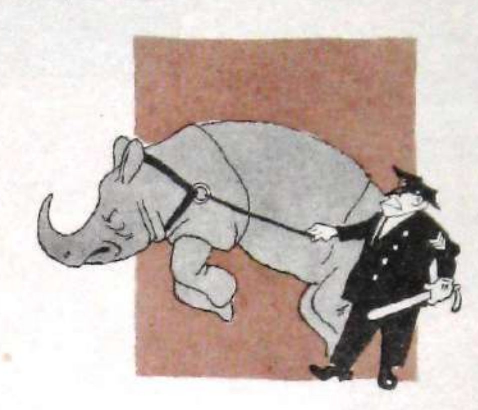
— Это хорошо: один звонок для выражения благодарности, другой — для прощального привета.

— Хорошо, да не очень...

— Почему?

— Вторым звонком безработный может и не *воспользоваться по не зависящим от него обстоя*тельствам. Ведь всякое может случиться, когда человек балансирует между жизнью и смертью...

Вот теперь и определи, кто из приятелей оптимист, а кто пессимист!

Артур ХОППИ,
фельетонист газеты «Сан-Франциско кроникл»

НА ЮГЕ

1. ТРЕБУЮТСЯ НОСОРОГИ

Как отец подрастающих детей, я возражаю против того, что полиция в Южных штатах применяет свирепых собак «для поддержания, как нам *говорят, законности и общественного порядка».*

«Собака — друг человека,— вдалбливаем мы нашим деткам.— Погладь собачку, она хорошая». Но если дела будут развиваться, как на Юге, наши детки станут хроническими шизофрениками. *Опасаясь таких пагубных последствий для нежной* детской психики, я тороплюсь внести одно предложение. Не обдумает ли наша полиция возможность применения какого-либо другого животного для выполнения священной задачи охраны законности и порядка? Ну, например, носорога.

Очень много можно сказать в пользу носорога в качестве фактора охраны законности и по*рядка. Опытные знатоки Африки утверждают,* что из всех имеющихся на свете животных это — самое свирепое, злобное, безмозглое и жестокое, обладающее чудовищными разрушительными инстинктами, всегда готовое напасть и растоптать любое живое существо. *Разумеется,* я понимаю, что содержание носорога обойдется несколько дороже, чем содержание своры полицейских овчарок. Но защита законности и порядка оправдывает любые расходы!

Может быть, это только мечты, но я предвижу день, когда в каждом южном городе свирепые овчарки будут заменены более эффективными но*сорогами. И это жестокое и безмозглое животное* станет на Юге символом всех тех, которые стремятся любой ценой сохранить законность и порядок.

2. «ПОДЗЕМНОЕ СЛИЯНИЕ РАС»

В течение многих недель меня мучает вопрос: а как у нас на Юге обстоит дело с сегрегацией в противоатомных убежищах? Это весьма актуальная проблема. В конце концов, плюнув на расходы, я позвонил по междугородному телефону полковнику Ульриху Н. Джэймсу, ведающему *гражданской обороной в Бирмингеме,* штат Алабама. «Убежища,— неохотно ответил он,— как-то еще не подготовлены к разрешению расовых проблем. Но, разумеется, никто об этом не должен знать».

Бог мой! А если это обстоятельство обнаружится? Я уже представляю себе, какую речь произнесет в сенате штата Миссисипи по этому поводу достопочтенный сенатор Барнетт Стоунволл.

— Джентльмены,— скажет сенатор,— до меня дошли сведения, что нашему белоснежному Югу угрожает *подземное слияние рас:* я имею в виду подземные убежища, предназначенные для совместного пребывания там белых и черных. А отдаете ли вы себе отчет в том, что в таком убежище будет только один кран с питьевой водой для всех? Знаете ли вы, что ни в одном убежище не предусмотрено раздельных кафе для белых и черных? Я спрашиваю вас, согласны ли вы, чтобы ваша сестра использовала тот же счетчик Гейгера, которым пользовался негр?

Джентльмены, мы должны навсегда отвергнуть гнусную концепцию подземной интеграции!

Мы готовы погибнуть, но только в совершенно отдельных убежищах!

* * *

Возможно, что сенатор Стоунволл выразит свою мысль иными словами. Но то, что по вопросу о совместных убежищах предстоят бурные дебаты,— это бесспорно.

Сокращенный перевод с английского.

С. ЯШИН

ДРАМА НА ПОМОЙКЕ

Точно установить, чем занимается доживающий свои дни в Париже бывший князь Юсупов, не представляется возможным. Вряд ли он крутит баранку такси: и возраст не тот, да и опыта нет — всю сознательную жизнь он пользовался лошадиной тягой. Петь цыганские романсы на манер князя Голицына он не способен, поскольку не обладает ни слухом, ни голосом. Но отнюдь не проблема постоянного заработка волнует князюшку: в конце концов ему хватит на прожитие награбленного в России. Князя ест поедом дочь бывшего дворцового авантюриста Гришки Распутина.

Мадам Распутина преследует Юсупова с собаками, да-да, с настоящими, гавкающими псами. Утверждая, что его светлость причастен к убийству Распутина, с последующим утоплением трупа в реке, распутинская дочка тем не менее не имеет возможности добиться сатисфакции от органов французского правосудия. Во-первых, истек срок давности, во-вторых, вымерли свидетели, в-третьих, технически невозможно осмотреть место преступления и тем более труп. Выход был предприимчивой мадам Распутиной все-таки найден. Чтобы досадить заклятому врагу и *не дать князю спокойно закончить свой земной* путь, она купила по случаю пару огромных овчарок. Одной из них Распутина дала кличку «Юсу», другой — «Пов».

Князь очень бы хотел вчинить ответный иск за оскорбление личности, но из искусственного сопоставления собачьих кличек «дела» не сошьешь.

*Скандал на помойке истории наверняка окон*чится ничем по одной простой причине: полвека назад отправилось на тот свет главное заинтересованное лицо — царский режим, при котором процветали распутины, юсуповы и иже с ними. «Обломкам империи» остается только злобно тявкать друг на друга и выть на луну — с помощью собак или без оных.

Элстон Уит выходит на поле

В его бледно-голубеньких глазках никогда не теплилась мысль. Однокашники Элстона Уита по Корнельскому университету справедливо считали Элстона человеком, у которого весь ум ушел в ноги и частично — в руки. Он всегда был в числе первых по успехам на теннисной площадке и по академической задолженности.

Кое-как окончив университет, Элстон пошел по торговой части: стал агентом по продаже медикаментов. Но и в этой области его успехи были скромнее, чем у многих конкурентов.

Как часто бывает в таких случаях, честолюбие и тщеславие Уита были обратно пропорциональны его способностям. Жажда денег и славы не давала ему покоя. А время безжалостно отсчитывало годы. Подросла дочь, появились внуки, а Элстон все еще пребывал в безвестности.

Но, видно, недаром наемные пропагандисты американского образа жизни воспевают преимущества системы «свободного предпринимательства». В конце концов благодаря этой системе даже заурядный Элстон выбился в люди. И знаете как? Для начала написал книгу под весьма странным на первый взгляд названием: «Угроза спортивного коллективизма».

Незадачливый Элстон Уит решил на старости лет пополнить собой корпус охотников за «красными ведьмами», в котором, словно в змеином клубке, спутались «бешеные»: маккартисты, бэрчисты, фашисты и прочая нечисть. Их главное занятие — обвинять в коммунизме и коммунистических происках всех и вся. Известно, например, что «бешеные», входящие в фашиствующее общество Бэрча, называют агентами Москвы бывшего президента Эйзенхауэра и его родню.

Элстон Уит идет к фашизму своим путем и в данном вопросе придерживается как раз обратного мнения. По Уиту, Дуайт Эйзенхауэр к коммунизму непричастен. Другой бывший президент США, Гувер, тоже вне подозрений. А вот братья Кеннеди во главе с нынешним президентом, а заодно и бывший президент США Франклин Рузвельт и миллиардер Нельсон Рокфеллер — это все подосланные коммунистами агенты.

Доказательства? Пожалуйста!

Эйзенхауэр — страстный любитель гольфа, а Гувер — рыбной ловли. Значит, они явно не «красные». А вот Рузвельт был заядлым яхтсменом, даже капитаном яхтенного экипажа, братья Кеннеди любят регби. Рокфеллер жить не может без бейсбола — словом, по Уиту, это означает, что все они самые заклятые «красные».

Элстон Уит подводит под свои изыскания теоретичесую базу. Он пишет:

«Каждого физически здорового молодого американца поощряют в его стремлении выступать в спортивной команде. А коллективизм в спорте порождает у индивидуума социалистические наклонности».

Вот почему Гувер никогда не был и не может быть коммунистом. Ведь столь любимая им рыбная ловля — удел одиночек. То же самое и гольф Эйзенхауэра, игра, где каждый борется не за успех команды, а сам за себя.

Бред? Для нормального человека в нормальной стране — да. Но не в современной Америке...

Элстоном Уитом ныне основано общество, именуемое «Крестовый поход за атлетический индивидуализм». Цель общества — запретить в США все виды коллективного спорта: регби, бейсбол, хоккей, волейбол и т. п. как рассадники коммунизма. Элстон Уит учит, что с запрещением этих видов спорта в США будет раз и навсегда покончено с идеями социализма и коммунизма.

И вот уже Элстона Уита с его бредом поддерживает кое-кто в Капитолии, Пентагоне и на Уолл-стрите. Некоторые военачальники уже запретили в своих подразделениях регби и другие коллективные спортивные игры. А в штате Миссисипи, в городе Джэксоне, члены общества Уита недавно совершили набег на спортивные площадки, собрали бейсбольные биты, мячи и другое спортивное снаряжение и сожгли на огромном костре.

Террор уитовцев распространяется и на зрителей, которые посещают бейсбольные, хоккейные и другие встречи. Элстон Уит провозгласил: «Нет такого понятия, как нейтральный зритель».

Что же, он, как видно, хорошо усвоил основной принцип американских неофашистов: «Чем страшнее и глупее, тем лучше!»

Фашизм, как известно, стал в современной Америке неплохим бизнесом. Уолл-стрит на корню купил американский неофашизм. И недаром сам Уит, добравшись ныне до этой кормушки, выражает надежду на денежные прибыли от своей затеи. Он откровенно попрошайничает: «Мы надеемся, что миллионы американцев, заинтересованных в нашей борьбе, будут помогать нам деньгами».

Печать сообщает, что деньги техасских нефтяных магнатов уже потекли в кассу движения, созданного Уитом. В своем животном страхе перед силами прогресса они готовы взять на содержание каких угодно мракобесов, даже Элстона Уита, лишь бы они держали в руках пугало «коммунизма».

В. НИКОЛАЕВ

В ФРГ награждают орденами военных преступников, ранее приговоренных к смертной казни.

(Из газет).

Из петли в петлю.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

САМАЯ СОВРЕМЕННАЯ

ГАННОВЕР (ФРГ). Западногерманская печать с восторгом пишет о новой тюрьме в Ганновере, называя ее самой современной в мире. Заключенные в ней строго разделяются не только по тяжести совершенных преступлений, но и по вероисповеданию. Таким образом, классификация преступников выглядит примерно так: Иоахим Гюнтер — убийца-лютеранин; Ганс Приггель — вор-протестант.

СКОРОСТНОЕ ЖУЛЬНИЧЕСТВО

ПАРИЖ. Журнал «Пари Матч» сообщает о деле Жана Пьера Шекруна, избравшего своей профессией подделку картин. Вначале Шекрун подделывал старых мастеров и с трудом зарабатывал себе на хлеб, поскольку на каждую картину уходило по нескольку недель. Зато перейдя к художникам-абстракционистам, он мгновенно разбогател: на подделку одной «модернистской» картины Шекрун тратил не более... десяти минут.

МОДА НА КУЛЬТУРУ

ЛОНДОН. В Англии в последнее время резко усилился спрос на старинные рояли викторианской эпохи, причем покупателями этих старомодных и почти во всех случаях разбитых инструментов являются богатые американские туристы.

Оказывается, эти рояли используются в качестве... баров для спиртных напитков. Напиваясь, приятно чувствовать, что приобщаешься к культуре.

ПОРАДОВАЛИ...

НЬЮ-ЙОРК. В американских газетах появилось следующее объявление фирмы, занимающейся бальзамированием трупов:

«Мы хотим порадовать наших клиентов. Благодаря новым средствам, применяемым нами, мы теперь в состоянии давать гарантию на сохранность трупов не на две тысячи лет, а на три тысячи».

СКРОМНЫЙ ОТДЫХ НА ЛОНЕ ПРИРОДЫ

ПАРИЖ. Когда английский миллиардер Чарльз Клор решил отдохнуть на юге Франции, он послал заблаговременно туда своего секретаря, наказав ему организовать скромный отдых на лоне природы.

Секретарь точно выполнил инструкции и проделал следующее:

снял целый этаж в самой роскошной гостинице и заново меблировал все комнаты;

завез на пляж тысячу тонн просеянного песка, дабы сделать его более удобным;

нанял два самолета со специальным оборудованием для рассеивания облаков в то время, когда шеф соизволит принимать солнечные ванны.

Скромный, непритязательный отдых...

Мы с читателем вдвоем...

МЕДНЫЕ ГРОШИ

Посетитель был очень взволнован.

— Хочу, чтоб вы меня выслушали самым внимательным образом!

— Обещаю.

— Обещаете? Вот этого глагола я и боюсь. Я напуган обещаниями. О чем и хочу с вами побеседовать. Можно?

— Пожалуйста.

— А я буду краток, обещаю. Простите, не так сказал. Постараюсь, а не обещаю.

Страшусь этого слова, дорогой товарищ. Страшусь потому, что некоторые люди очень и очень часто прибегают к сладостным посулам для того, чтоб обмануть нас. Как сказал поэт... не припомню его фамилии... «У меня для тебя столько ласковых слов и созвучий, хочешь, в них я тебя утоплю?» Хочешь иль не хочешь, а утопит. Таков товарищ Обещалкин.

Он ни в чем тебе не откажет, но ничего от него и не жди: подведет. Попроси у него, к примеру, Большую Медведицу, а он в ответ:

— Зайдите к концу недели, обязательно получите.

В крайнем случае он сочтет твою заявку несколько завышенной и малость сократит ее:

— Большой Медведицы сейчас нет на базе, удовлетворитесь пока Малой.

— Ладно,— скажете,— дайте Малую.

— Зайдите в четверг после обеда, обещаю помочь в этом вопросе.

Конечно, разговор о Больших и Малых Медведицах не более как шутка. Но могу и вполне серьезно коснуться личности такого работника.

Вот уж два года, как мне обещают... Я о немногом просил: убрать кирпичную стену... Да, забыл сказать. Живу я в Безымянном переулке. Дом № 28. А рядом, конечно, дом № 30. Между этими двумя домами стоит, доживая свой каменный век, большая кирпичная стена. Весьма антикварное сооружение.

Два года назад в одно прекрасное утро стена дала трещину. Тем самым она намекнула, что способна рухнуть. А рухнуть она намерена на меня. То есть на дом, в котором я живу.

Сами понимаете, что я этому не очень обрадовался. И начал хлопотать о том, чтобы опасную стену убрали.

Никто не возражал. Все в один лад говорили, что я прав. Особенно старался Обещалкин.

— Дорогой товарищ!—вскричал он, крепко пожав мне руку.— Спасибо за сигнал. Обещаю принять самые срочные меры!

Полгода я к нему ходил. Всякий раз он встречал меня с энтузиазмом. Всякий раз вскакивал с места и вопил:

— Дорогой товарищ! Обещаю!..

Стена тоже обещала: вот-вот упаду. Но, спасибо ей, своего обещания она тоже до сих пор не выполнила.

Мои родители, бодрые пенсионеры республиканского значения, проживают в пригородном поселке «Свежий воздух». Действительно, воздух в поселке самый свежий, первый сорт. А вот помыться человеку негде: бани нет. Собственно говоря, баня есть. Но на бане крыши нет. Хотя не надо преувеличивать, крыша есть. Но очень дырявая.

Можно было бы, конечно, свободно обойтись и без бани. Душ, говорят, вполне способен заменить баню.

Но вся беда в том, что и душа нет. Тем более, что и водопровод в полной неисправности.

Жители поселка не раз обращались в исполком насчет бани — никакого толку. Пошел я к председателю.

— Дырки в крыше? Сделаем, чтобы дырок не было. Обеспечим людям полную санитарию и гигиену. Возвращайтесь спокойно в поселок. На днях будете жить в неге и в холе.

Золотые слова! Но эти золотые слова были произнесены год назад. Исполком на месте. И дырки на месте.

Недавно попросили меня опять сходить к председателю. Мне удалось поймать его по телефону. Он милостиво сказал:

— Сегодня принять никак не смогу. Утром у меня комиссия. Днем — заседание. Вечером — совещание. Давайте с вами так договоримся: завтра в двенадцать ноль-ноль. Есть! Пока!

Назавтра без четверти двенадцать я уже сидел в приемной. И вот уже двенадцать ноль-ноль. И вот уже тринадцать ноль-ноль. А председателя все нет и нет: ноль-ноль...

Вдруг секретарша с удивлением взглянула на меня:

— Вы кого, гражданин, ждете? Неужели товарища председателя? Странный человек!

— Кто, председатель?

— Нет, вы.

— Но он мне обещал... ноль-ноль...

— Не имеет значения. Вы сегодня седьмой, кому он обещал.

В старину говорили:

— Сказанное слово — серебряное, не сказанное — золотое.

Но, видно, в иную пору сказанное и медного гроша не стоит...

Вот и все, дорогой товарищ, что я хотел вам рассказать о медных грошах, имеющих широкое хождение у Обещалкиных. Теперь слово за вами, товарищ литератор. Обещаете написать?

— Напишу. Твердо обещаю.

И я, нижеподписавшийся, выполнил свое обещание.

Г. РЫКЛИН

* * *

Этот рассказ написан по теме, затронутой в письме читательницы **М. Соколовой** из Ставропольского края. Вот что она сообщает:

«Еще с начала 1960 года руководство Северо-Кавказской железной дороги обещало построить платформу на железнодорожной остановке у станицы Беломечетской. Обещали и в 1961-м, и в 1962-м, и в 1963-м и ничего не сделали. Может быть, ты, Крокодил, поможешь? Очень уж неудобно лазить на высокие подножки вагонов. Особенно детям и старикам».

Вадим ЗЕМНОЙ

ВОЗМУЩЕНИЕ СЛОНА

(Басенное)

Старейший Слон, и тот не сохранил
Спокойствия в Пещере Престарелых.
— Опять столы чернеют от чернил
У сонма баснописцев недозрелых?!
Даю приказ — терпел я до поры! —
Собрать писак от Немана до Нила!
Все басни их доставить на костры!
В помойку их прескверные чернила!
И всех пороть! Упрямых наповал
Велю быкам расписывать рогами!
А кто меня по басням рассовал,
Того при мне разделать батогами!
В своей мазне до поздней седины
Довольно им глумиться и над нами!..

Простят ли мне мудрейшие Слоны
Вот эту побасенку со Слонами?

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

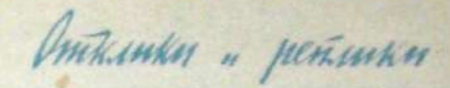

В САТИРИЧЕСКОЙ КЛИНИКЕ

Николай Александрович СОКОЛОВ (КУКРЫНИКСЫ)
(К шестидесятилетию со дня рождения)

Дружеский шарж А. ЦВЕТКОВА

ПРОЗОЙ — НА СТИХИ

В апреле этого года мощное крокодильское соединение в составе двух поэтов и приданного к ним художника высадилось десантом на волжском берегу в районе Волгограда. Соединение имело перед собой задачу проверить, как живут-поживают молодые граждане молодого города гидростроителей Волжского.

Разведка доложила точно: неважно организован быт молодых граждан. В № 11 Крокодила боевое соединение сатириков дало стихотворный залп по нерадивым хозяйственникам.

На стихи нам ответили самой обычной прозой. Но Крокодил на это не в претензии. Потому что проза эта тоже деловая. Ответственные товарищи — секретари партийных организаций треста «Волгоградэлектросетьстрой», стройуправления, завода стройматериалов и автотранспортной конторы — сообщили, что выступление Крокодила обсуждалось на совместном заседании партийных бюро. Критика совершенно правильная, пишут они и тут же докладывают, что сделано для того, чтобы людям в общежитиях жилось лучше и удобнее.

Пять семей переселены из общежитий в дома для семейных, полностью заменено постельное белье, поставлены новые розетки, куплены утюги, оборудована еще одна кухня, открыт буфет, выделяется холодильник и т. д.

Кроме того, ответственные товарищи пообещали, что дальше еще лучше будет. Появятся два телевизора, а новое общежитие будет построено по последнему слову бытовой техники, то есть со всеми удобствами.

Хочется в это верить.

«ЗАИМСТВОВАНИЮ ПОЛОЖЕН КОНЕЦ»

В 16-м номере журнала, в фельетоне «Из литературно-уголовной хроники», рассказывалось, как инженер тамбовского завода «Химмаш» В. Фомин по совместительству занялся плагиатом. Он списывал понравившиеся ему произведения из одних газет и журналов и рассылал их в другие газеты и журналы. За своей подписью.

Секретарь парткома завода тов. Решетов сообщает нам, что остроумные проделки Фомина были обсуждены на общем собрании того цеха, где он, Фомин, работал мастером. Пробрали его как следует товарищи-рабочие!

Фомин освобожден от должности мастера и выведен из состава пленума Октябрьского райкома комсомола.

О ЧУРБАКАХ И ЧУДАКАХ

«Чурбаки-путешественники» — так называлась заметка, помещенная в Крокодиле 30 июня. В ней говорилось, что чудаки из всесоюзной конторы «Трансторгснаб» распорядились отправить деревянные колоды для рубки мяса из Белоруссии в... лесные районы Дальнего Востока. В довершение всего колоды оказались трухлявыми.

Заметка обсуждалась в Главном управлении рабочего снабжения Министерства путей сообщения. Начальник торгово-закупочной базы УРСа Дальневосточной дороги тов. Искра получил строгий выговор. Это он додумался дать заявку на колоды, не удосужившись поискать их поближе.

Зам. начальника «Трансторгснаба» и старший товаровед товарищи Сосницкий и Рапопорт с завидной чуткостью выполнили эту заявку. И за это тоже получили взыскания.

А самое приятное во всей этой истории — это то, что теперь всем начальникам дорожных УРСов и торгово-закупочных баз предложено исключить из закупок товары, которые можно приобрести на месте.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ПО НЕДОСТАЧЕ

Кровать детская 1 штука списана актом от 24/VIII-62 г., но Вами видимо не исключена из общего количества, а три штуки, а может быть, и все четыре исчезли по необъяснимому положению. Потому, что все кровати за исключением квартиры, с начала подготовки корпусов к побелке и покраске находились на наруже и в разных местах. Охрана производилась мной днем и ночью без выходных и праздников, что способствовало, возможно, и краже. 20/VI—63 г. Романченко».

(Этот документ составил кладовщик пионерлагеря Каменец-Уральского завода по обработке цветных металлов.)

Прислал **А. КРИВЕНКОВ.**

Свердловская область.

«В отношении круглого гладкого камня, который якобы вложен в куль с судаком, должен заявить, что это выдумка, ибо в районе рыбокомбината да и в самом поселке Каспийский круглого камня не найдешь, кругом песок и камыши».

(Из объяснения.)

Прислала **Д. ПЕТРОВА.**

«Добьемся, чтобы в городе 30 июня не было ни одного молодого человека.

ВСЕ ЗА ГОРОД!

ОРГКОМИТЕТ».

(Из программы проведения праздника Дня советской молодежи.)

Доставил **Л. ЛИХАНОВ.**

г. Междуреченск, Кемеровской области.

МОЛИТВА... В АГИТПУНКТЕ

Свадьба была пышной. В просторные комнаты трудно пробиться: пришли сюда родственники, далекие и близкие, приехали гости из районов. Столы ломились от яств. На самых почетных местах, рядом с женихом и невестой, восседали седобородые старцы — священнослужители. Когда все утихли, расселись, они стали читать молитвы. Потом, согласно обряду, с пристрастием допросили молодых. И опять нараспев читали молитвы.

Седобородый простер руки над столом.

— Еще прошу тебя, господи, благослови дом сей и его добрых хозяев, да продлятся их дни в благодушии и терпимости. Пусть не черствеют их сердца и не скудеют их руки, протягивающие нам ключи от храма. Аминь!

И все повторили:

— Аминь!

Торжество шло своим чередом. Уже были раскупорены бутылки, звучали тосты, и старцы довольно поглаживали бороды.

Может быть, никто и не заметил, как скрипнула дверь, в зал заглянули двое парней, недоуменно развели руками и вышли.

— Мы, кажется, ошиблись... не туда попали? Здесь ведь молитвенный дом,— сказал один.

— Да нет же, я тут уже был несколько раз, брал газеты,— ответил ему товарищ.

Вышли за ворота. Все на месте: ул. Димитрова, 58, вывеска — «Агитпункт ЖЭК № 3».

— Пойдем еще раз посмотрим,— решили парни.

— Не мешайте,— захлопнул кто-то перед ними дверь. — Видите, в агитпункте мероприятие. Люди молятся. Завтра придете, газеты почитаете, брошюры, лекцию на антирелигиозные темы послушаете...

И заведующий агитпунктом Михаил Петрович Мовсесов (это был, наверно, он) остался ждать у ворот, пока торжество не будет окончено и ему не возвратят ключ от помещения.

Именно на него призывал благословение божье священнослужитель в своей молитве. На него и соратников Мовсесова по агитационно-массовой работе: начальника ЖЭК № 3 Лалазара Сулейман-заде, секретаря партийной организации Льва Палея, его заместителя Иду Сакаеву, председателя домового комитета Евгению Чегодаеву с ее заместителем Лазаром Юхаевым.

Да и как их не отблагодарить в молитве, если начальник ЖЭК, благодушнейший и добрейший Лалазар Сулейманович, ходатайствовал как депутат райсовета о предоставлении помещения агитпункта под свадьбу, отложил ради этого беседу, которую намечалось здесь провести!

С некоторых пор агитпункт ЖЭК стал успешно конкурировать с божьим храмом. Устроители свадеб и праздников знают: хозяева агитпункта — люди покладистые и не шибко принципиальные, готовы отложить лекцию или демонстрацию фильма. Лектор не убежит, кинолента не сгорит. А свадьба может расстроиться: у священнослужителей строгий график.

Мы были в этом удивительном агитпункте. Большое, удобное помещение, столы с газетами, журналами, портреты, киноэкран, лозунги.

— Неужели и на свадьбе все так оставалось?

— Нет,— стесняясь, говорит Палей.— Тогда все убрали.

Сели в лужу и крепко сели ответственные руководители агитационно-массовой работой ЖЭК № 3. И никакое благословение господне им не поможет. Ибо, как издавна говорят в народе, человеку, лишенному разума, молитва впрок не пойдет.

Бр. КРЮЧКОВЫ

(«Вышка», г. Баку).

СТАРЫЙ ДРУГ

Ворвался вдруг ко мне домой
Приятель школьных лет
И сразу крикнул: — Братец мой,
Ты выглядишь, как дед!
Добив меня по всем статьям,
Добрался до жены:
— А вы, мадам, скажу я вам,
Немыслимо тучны!
Увидев сына, скрыть не смог
Прискорбного лица:
— Никак не скажешь, что сынок
Походит на отца!..
Сказав, что в этом нет греха,
Он стал повеселей:
— А помнишь, я тебе, ха-ха,
На парту налил клей?!
Затем он выдал юморок,
Жену кидая в дрожь,
И, закусив, подбил итог:
— Паршиво ты живешь!
Заняв пятерку, скрылся с глаз
Приятель школьных лет...

Нагрянет в следующий раз —
Скажу, что дома нет!

Ю. БЛАГОВ

Между прочим

Электромонтер предпочитал работать без напряжения.

В трамвае начальник стоял на дружеской ноге подчиненного.

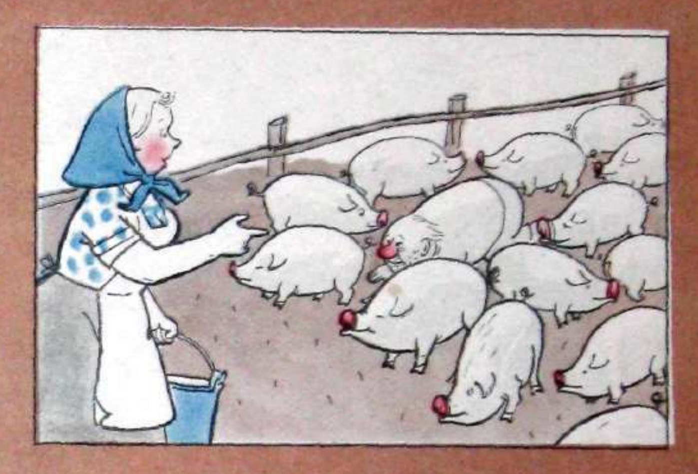
Жаловался, что никак не может занять свое место в жизни: городские рестораны были всегда переполнены.

Локоть друга он остро почувствовал в очереди за бритвенными лезвиями.

Н. МОНАХОВ

Продавец на пенсии. Рисунок М. ВАЙСБОРДА

— Опять один лишний!

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

— Так, значит, твоя жена тоже поступила на курсы кройки и шитья?

Рисунок В. ВОЕВОДИНА

— Не мути воду, отвечай по порядку...

Рисунок С. СПАССКОГО

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 00152. Изд. № 1101. Подписано к печати 30/VII 1963 г. Формат бум. 70×108 1/16. Тираж 1 700 000 экз. Заказ № 1917. 1 бум. л.— 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЗАГОТОВИТЕЛЬ: — Как быстро течет время!

Рисунок М. УШАЦА.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70 436